

Антон Моисеенко

Родился 20 лет назад в городе Киев. В детский сад не ходил, школу ненавидел, людям не доверял. Увлеченно читал. Тексты любит больше, чем их авторов. Готовность работать с бумагами подтолкнула изучать юриспруденцию. Изливает на бумаге фантазии о налогах, внешнеэкономической деятельности и транснациональных корпорациях. Первая и пока единственная художественная публикация — продолжение сказки о Золушке, опубликованное американским юмористическим журналом YaleRecord.

Кошмар чужих кошмаров

Расплывчатые потеки красного, желтого, причудливый шорох шагов, беспрестанно слышимый за спиной, — знакомьтесь, мой мир. Мельчайшие дуновения воздуха я ощущаю грязно-синими мазками, стекающими по стеклу моих глаз: для таких, как я, все имеет свой цвет.

— Сегодня меня услышат, — заявляю я, возвращаясь к разговору с древней барышней, расплывшейся в кресле напротив. Кажется, словно я вечно смотрю в ее глаза и злость на улыбку пухлых губ.

— Родители вам не уделяли внимания? — она делает пометку в блокноте, откладывает его и скрещивает руки на коленях.

Признаться, такая постановка вопроса раздражает меня. Я никогда не считал Творца настоящим отцом. В конце концов, я даже не создан по Его образу и подобию. Впрочем, воздержусь от жалоб: ведь Он мертв, а я проживу многие века. Да и сеанс психоанализа длиною в бесконечность порядком поднадоел: та же непроницаемая ухмылка знатной дамы, те же мимолетные

уколы-намеки на мою неполноценность. А ходить-то больше не к кому.

— Творец оригинален, — уклончиво отвечаю я. — Дело не в небрежности техники зачатия. Просто я другой.

На лице собеседницы читается фраза «все так говорят».

— Вы ни разу даже не видели людей, но столь уверены в делах давно минувших дней?

Глупая провокация. В вопросах, касающихся своего создания, я разбираюсь. Да и страдаю я паранойей — постоянно чудится, будто сзади бредут двое мужчин, укутанных в черные плащи, — но никак не слабоумием.

Ну и, разумеется, я встречал homo sapiens, пусть даже никто из них не пожелал общаться со мной дольше, чем несколько минут. Значит ли это, что я чего-то не понимаю? Скорее уж они. Человек приходит из ниоткуда и исчезает в никуда, а я остаюсь: вечно образованный (таким уж меня создали), чувствительный и вообще

по-своему совершенный. Не хватает лишь того, чтобы кто-нибудь ко мне прислушался.

— Я все равно осуществлю свою мечту, — твержу я. — Не позднее, чем сегодняшним вечером. Поймите же, именно сейчас!

— Прекратите. Вы переживаете и приближаетесь к полному безумию, бледнеете и выцветаете на глазах. Людям не дано видеть и слышать то, что происходит здесь. Кроме редких гениев — вроде наших родителей, — она склоняет голову набок, как матушка, терпеливо отвечающая ребенку на вопрос, умрет ли когда-нибудь и он. — С чего вы взяли, что этой ночью кто-то придет?

— Мне сказал Ван Гог, у него чутье на подобные вещи, — и прежде чем ввязаться в дискуссию о взбалмошном голландце и его влиянии на город, я извиняюсь и прошу разрешения удалиться под предлогом прогулки по любимому мосту.

— Только не уходите далеко! — кричит вдогонку синьора, когда я уже перешагиваю порог кабинета. — Вдруг впрямь навестят, а вы пропустите да расстроитесь.

Очень похер, хочется ответить — но, наверное, итальянка благородных кровей не оценила бы. А пообщаться-то, кроме нее, не с кем: в городе преимущественно экзальтированные барышни восемнадцатого века, пышки Рубенса и отталкивающие личности вроде молодого человека с черепом или самозданного Ван Гога. Да и будь ты хоть сто раз «Криком» кисти Эдварда Мунка, а согнать противную улыбку с рожки Джоконды — дело непосильное.

Покинув кабинет невозмутимой дамы, оказывающей психологическую помощь всем желающим, я останавливаюсь на крыльце и окидываю взором город. К привычным грязно-багровым тонам и потекам желчи, бес-

прерывно маячащим пред моим зрением и накладываемым на любой пейзаж мутной сеткой, прибавилось золото туч, раскрашенных закатным солнцем. Для меня деление суток на день и ночь лишено смысла. Но те, кто создан по образу и подобию — дети реалистов, — бездумно повторяют человеческие привычки и даже спят.

Крыши танцуют, и черепицы поигрывают солнечными бликами, церкви превращаются в готические замки, а те — в избы-мазанки. Пока я спускаюсь по деревянной лестнице на мостовую, ступеньки преобразуются в груды камня, ведущие к пещере в поросшей мхом скале, — точно на том месте, где недавно стояла безвкусная коробка небоскреба из тридцатых годов XX века.

Все мы — игры воображения. И, естественно, в месте нашего вечного сосуществования (римская сентенция не зря гласит: жизнь — коротка, искусство — бессмертно) нет ничего постоянного, устойчивого. Здесь бесчисленное множество проекций накладываются друг на друга, а затем воспринимаются через призму чьего-то сознания: и если я вижу хаос глазами Эдварда Мунка, то для идеально пропорциональной Моны Лизы существует логичный процесс взаимодействия.

Любопытно, почему она помогает другим, успокаивает? Я думаю, старая толстуха видит угрозу в неопределенности и несоответствии задуманному поведению. Понимаю — звучит путано, как беспорядочный набор умных слов: но подождите же чуть-чуть и простите за отсутствие связности в моих монологах.

Я шагаю по грунтовой дорожке, а строения приобретают изысканные очертания средиземноморской архитектуры, утопают в пышных кронах деревьев. Сезанн. Сзади слышатся торопливые шаги — я резко оборачиваюсь и вновь замечаю пару мужчин в шляпах-цилиндрах, но силуэты скрываются вдаль.

Люди и их поиск — проклятие и смысл существования одновременно. В отличие от них, я знаю, что и зачем

вселил в меня Творец. Отчаяние, боль, страх. Я — крик. Не поймите меня неправильно: это я не к тому, что мне плохо, не ною. Кому нынче хорошо? Но искусство — всегда настроение, некий послыл. Мое предназначение состоит в донесении вести о бессмысленности жизни, о страдании и безысходности. Такова моя сущность — о том кричу.

Я закуриваю (как ни странно, некие телесные удовольствия доступны и мне) и останавливаюсь у прелестного колодца с бурлящей отравленной водой. Мимо с воплями проносится клубок тел — нечисть и совы преследуют беднягу в светлых одеяниях. «Шабаш» Гойи. Путаница в стилях и исторических периодах раздражает. Главное, чтобы в окрестностях наблюдалось поменьше кубизма и супрематизма: очень испортит архитектуру.

Суть проблемы в одном: меня не слышат. Для сотен людей, глядящих на картину, — физическое воплощение — я всего-навсего любопытное изображение. Картины Караваджо, Дега, Гогена не передают зрителям настроения. Вернее, в малой мере. Необходимо обладать талантом, чутьем, нужно проникнуться. А это способность, доступная не каждому.

Именно такие люди попадают сюда. Не осознавая того — не важно, во сне или наяву, непроизвольно или вследствие долгих попыток что-либо придумать. А очутившись здесь, впитывают образы, созданные талантливейшими представителями человечества, попадая под их влияние — и затем самостоятельно продолжая то, что начато за тысячелетия до них. Творя подобное, но уникальное. Выражая что-то сквозь призму себя. Будь то музыка, литература, живопись или архитектура, вскоре уже их творения уходят в вечность.

И если забулдыга-автопортрет Ван Гога не бредит и действительно предчувствует появление новичка, я должен встретить его. И теперь я не упущу свой шанс,

мы по-настоящему поговорим. Пусть услышит, поймет. Опишет несчастье и страх, не скрываясь от правды. Ведь по большому счету, кричу не я, а Вселенная.

Я прохожу мимо кустов сирени и внезапно слышу треск веток. Кто-то идет. Неуверенно и робко — человеком, слишком по-человечески.

Неужели повезло?

И кто же он — новый гений?

Мальчик лет пяти.

Признаться, я удивлен. Ребенок?

Несомненно. Маленький карапуз в голубой футболке с изображением двух радостных мышей, самца и самки, и разноцветной надписью Disney Mickey. Русые волосы — скорее светлые, но вероятно потемнеющие с возрастом — и голубые глаза. Джинсы и кроссовки с развязавшимися шнурками. Наверное, малыш даже не умеет управляться с ними: он опускает голову и, сосредоточенно глядя под ноги, делает два шага ко мне.

У детей богатое воображение. Но они не попадают сюда. Никогда, ни в коем случае: ребенок не способен на такие фантазии, на осмысление сложных образов. Слишком наивен, непоследователен в желаниях и интересах.

И все же — вот он, стоит напротив и внимательно рассматривает меня. Первый человек, встреченный мною один на один. Единственный гость, не устремившийся прочь от меня, к более популярным персонажам. Знаковое, великое, долгожданное событие. Но передо мной не художник-оригинал в аляповатом костюме, не степенный дирижер, не писатель-очкарик, а почти еще младенец!

Ну и плевать. Надо ведь беседу завязать. Да и не отказываться же от исполнения мечты оттого лишь, что все начинается не так, как я себе представлял.

— Жизнь полна боли и страдания, — заговариваю я. — Смерть неизбежна, а созидание обречено на забвение.

Мальчик, кажется, не проникся. Тот же ровный, будто завороченный взгляд. Только теперь карапуз зачем-то скребет ногой землю.

— Все мы — узники судьбы-одиночки, — продолжаю я цитатой из Буковски, которая когда-то залетела к нам случайной гостьей с измерения литературных героев.

Звучит вычурно и глупо, но на взрослого подействовало бы. Небо, обретающее кровавые оттенки вблизи меня, переменчивый ландшафт и стылый ветер. Бесполое бледное существо, похожее на мумию, хрипло шепчущее злое слова: пусть встреча и происходит лишь на уровне подсознания, она непременно повлияла бы на разум человека и его деятельность в будущем.

Но не сейчас.

— А вы — ведьма? — произносит наконец мальчик.

— Ну не совсем.

— А почему рядом с вами так красно и страшно?

— О, тебе страшно? — приободряюсь я.

— Да не очень, — умилительно по-детски отвечает пацан. — Это ведь сон. Иначе боялся бы. Я часто вижу ведьм и демонов, иногда злодея из мультика «Аладдин». Если не знаю, что сплю, то мне сильно ужасно, — он растянул последнее слово — уж-ж-ж-жасно, будто подчеркивая серьезность проблемы.

Первая более-менее содержательная встреча с homo sapiens не ладится. Я вытягиваю шею (полагаю, неестественное зрелище, учитывая особенности внешнего вида) и стараюсь выглядеть в сосновом бору других людей, но там ни души. Только вдали бесстыже светит телесами «Голая правда» Климта.

На самом деле, недостаток столкновений с редкими посетителями неудивителен. Я уродец, а художники, писатели и музыканты преимущественно стре-

мятся к красоте: непроизвольно они стремятся увидеть нечто вроде Джоконды, росписей Микеланджело или на худой конец произведений Сальвадора Дали. Если бы здесь, в царстве воображения, они чаще пересекались с химерами и монстрами, то творили бы подобное: и вскоре наше измерение заполнили бы кошмары, преобразив его. Красота порождает красоту, безобразие плодит безобразие.

Потому Джоконда и успокаивает неудачников вроде меня. Стоит нам начать буйствовать, как окружающая среда превратится в несусветный беспорядок — с непредсказуемыми последствиями как для впечатлительных творческих личностей, так и впоследствии нас самих. Пока даже наиболее неадекватные мирятся со сложившимся порядком вещей, зашьем оптимизма и пропагандой мерзкого наслаждения жизнью.

— Мальчик, чего ты тут хочешь? — вкрадчиво спрашиваю я, не надеясь на вразумительный ответ. Люди не способны ясно определять собственные желания.

Но он, как оказывается, вовсе не из тех:

— Зарезать самую страшную ведьму.

— О, вот как? А она какая?

— Не знаю, — честно и без промедления отвечает мальчик, смахивая набок светлые волосы. — Мне всегда ночью появляются колдуньи, злые маги, чудовища. Даже засыпать страшно, я бы лучше никогда-никогда не ложился, но мама заставляет. Но если я стараюсь, то могу понимать, что мне всего лишь кажется. Как сейчас. И могу управлять сном. Захочу — запросто проснусь. Или, например, вас убью, — без тени эмоций произносит ребенок.

Это очень деликатный момент. С одной стороны, нужно проверить теоретическую возможность того, что гениальный неполовозрелый homo sapiens способен управлять собой в обители фантазий. Нико-

му не дано очутиться тут в полном рассудке или помнить случившееся позднее: это приключение для подсознания, но не для человека. С другой — не надо провоцировать.

— Ты можешь изменить что-нибудь вокруг нас?

Мальчик на секунду задумывается и обводит взглядом выжженные поля, испещренные горами камней вулканического происхождения, и первобытные хижины. Затем упирается в меня немигающим, спокойным взором и...

Я вижу надпись Disney Mickey. И две лопухие мышки. Одна в бантике и розовом платице, другая — в синей рубашке.

Мой черный балахон-рубище превращается в точно такую же футболку, как та, что надета на маленьком мерзавце.

— Прекрати! — грубо кричу я.

Мальчик вздрагивает и отступает назад. Губы подрагивают, на глаза наворачиваются слезы. Я вновь в привычном облачении.

— Извини, — спешу попросить прощения я.

Не стоит его расстраивать. Изумительно, но карапуз действительно просто спит, притом целиком осознавая происходящее: и за счет совершенной концентрации способен напрямую преобразовывать наше измение. — Я испугался. Мы, чудовища, тоже боимся.

— Вы не чудовище, — качает головой мой собеседник, — вы смешной. Я боюсь ведьм. Мне иногда снится, будто даже моя мама — ведьма. И папа, и собачка двоюродной сестры тоже превращается в колдунью. Вот я и подумал, что если во сне придумать самую страшную из них и убить, то все будет хорошо.

Мелькает мысль отвести маленького ассасина к Джоконде. Но, конечно, я прекрасно понимаю: надо от него избавляться. И говорю то, чего никогда бы не вымолвил:

— Послушай, маленький, не носи чушь. Ты думаешь о гадах, вот они и лезут тебе в голову. Читаешь, наверное, страшные сказки, фильмы смотришь нехорошие. А ты разглядывай прелестные картинки, играй с другими детишками. Знаешь, сколько в жизни всего прекрасного? Есть места, где никогда не идет снег и никто и не слыхивал ни о каких там ведьмах. Где-то смелые индейцы скачут по прериям на мустангах. А маленькие и узкоглазые люди вместо того, чтобы писать, рисуют смешные значки справа налево, и все их понимают.

— Я знаю. Китайцы.

— А сколько на Земле есть загадок! Вот почему динозавры пропали, знаешь?

— Это очень сложный вопрос, — задумывается мальчик. — Может, бомба.

— Вот же умница. Видишь, как много всего интересного! Жизнь — чудесна! — убежденно проречаю я. — А теперь иди, просыпайся и всегда радуйся тому, что имеешь.

И — о чудо! — он начинает медленно растворяться в воздухе. Вот и познакомился с людьми, внушил мысли об отчаянии. Какой позор! Лох — это судьба, как говаривал бурлак с картины Репина.

— Пока-пока! — говорит почти уже испарившийся человечек. Только голова зависла в невесомости, как у Чеширского кота. — До завтра, добрый монстр!

— Что? — я, верно, ослышался.

— Ну я же снова буду спать... — мелкие зубы обнажаются в виноватой улыбке. — Я объяснял, меня мама заставляет. И сегодня днем тоже надо ложиться — каждый день до шести лет, пока в школу не пойду. Но кошмары только ночью бывают!

И на сей мажорной ноте он исчезает.

Я очень громко, протяжно и безутешно кричу. ❧